

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульме (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского.

Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

«БОЖИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК» ПАВЛУША

200 лет со дня рождения П.И. Якушкина

Павел Иванович Якушкин (1822–1872) – учёный-фольклорист, прославленный собиратель устного народного творчества, самобытный русский человек оставил заметный след в истории отечественной культуры, в воспоминаниях современников. Н.А. Некрасов в своей поэме-эпосе «Кому на Руси жить хорошо» запечатлел Павла Якушкина в образе Павлуши Веретенникова:

Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
<...>)
Беседует с крестьянами,
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!

Яркая, колоритная личность фольклориста не могла не увлечь и «самобытнейшего писателя русского» Н.С. Лескова (1831–1895), который создал очерк «Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине» (1884). Оба они – известный собиратель фольклора и знаменитый литератор – были «земляками в тесном смысле»: «оба мы родились в Орловской губернии, даже в смежных уездах – он в Малоархангельском, а я в Орловском» – отмечал Лесков. Писатель одобрял демократическую позицию Якушкина, с большим вниманием относился к его деятельности. Сам Лесков, по его признанию, знавший народ «с детства и без всяких натуг и стараний», выступал не только как беллетрист, но и как тонкий фольклорист, и даже как собиратель фольклора, этнограф. Например, «крестьянский роман» «Житие одной бабы (Из гостомельских воспоминаний)» (1863) целиком построен на народно-песенном репертуаре Кромского уезда Орловской губернии, родной писателю деревушки Гостомли.

Таким образом, в какой-то степени совпадали предмет изображения и интересы обоих писателей. Но самое главное, что привлекало Лескова в его земляке, – это неординарность, «изюминка», «натура», в которую, как утверждал писатель, «можно верить больше, чем в направления». Известно, что он не мог терпеть и почти не изображал людей неярких, ординарных, «безнатурных». Знаменательно, что Павел Якушкин стал не только героем лесковского очерка воспоминаний, но и послужил прототипом Василия Богословского – центральной фигуры первого крупного художественного произведения «Овцебык» (1862), в котором Лесков выразил своё понимание национального характера: «русский человек <...> принимает всё <...> горячо, с аффектацией и с пересолом».

Впервые «Сочинения» П.И. Якушкина вышли в свет в 1884 году – уже после его смерти. Именно в этой книге был помещен биографический очерк о собирателе фольклора, принадлежащий перу писателя и этнографа С.В. Максимова, и «Товарищеские воспоминания» одиннадцати литераторов – людей, близко знавших Якушкина, в числе которых находился и Лесков. По отзыву многих современников, лесковские «воспоминания» представлены наиболее содержательно и талантливо, передают своеобразие личности Якушкина с наибольшей полнотой: «Это как бы законченный художественный очерк, картинка с натуры, нарисованная с обычной г. Лескову талантливостью» (Н.В. Шелгунов). В жанровом отношении это произведение представляет собой интереснейший сплав публицистического очерка, рассказа, сказки, жития. Лесков в своих воспоминаниях стремился передать индивидуальное своеобразие личности симпатичного ему человека.

Писатель неоднократно высказывался относительно фактографичности своего творчества, опирающегося на жизненный материал. Образы Василия Богословского («Овцебык») и самого Якушкина («Товарищеские воспоминания о П.И. Якушкине») связаны внешне и внутренне. Так, портрет Богословского списан с натуры и передаёт отличительную примету внешности Якушкина, у которого первое, что бросалось в глаза, были «вихры», или «лохмы», придававшие ему вид «дикообраза». Богословский же был обязан своим странным прозвищем длинным косицам, которые он закручивал на висках, так что они напоминали рога овцебыка: «я и не подозревал вовсе существования такого странного зверя в пределах нашей чернозёмной полосы», – замечает автор-повествователь. Итак, перед читателем экзотическое

существо – «овцебык», «дикообраз», «странный зверь», живописная и несуразная фигура.

К тому времени, когда появилась лесковская повесть, читательской публике уже был известен роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» и его главный герой Евгений Базаров, чей облик – «длинный балахон с кистями», «обнажённая красная рука», «волосы, длинные и густые» – стал устойчивым знаком «неблагонамеренности», «стиля» радикалов. У «чистой» публики возбуждали негодование «красные» натруженные руки, длинные (или короткие – у женщин) волосы, неучтивое, вызывающее поведение и множество других шокирующих черт.

В «Товарищеских воспоминаниях» Лесков пишет, что «дворянские чистоплюи» «скоро стали указывать на неряшливый костюм Якушкина и на беспорядочность его безалабернейшей жизни». Внешний облик героя очерка был призван подчеркнуть его «направление к простонародности». Ещё во время учёбы в орловской гимназии учитель-немец Функендорф – настоящий монстр, по воспоминаниям Лескова в его «Автобиографической заметке» (1885), – прозвал Якушкина «мужицка чучелка». Простонародный костюм «бродяги-литератора»: кумачовая рубаха, опоясанная верёвочкой, поддёвка, сапоги – вошёл в историю литературы в некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддёвочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.

Важно отметить, что одежда Якушкина не была маскарадным переодеванием, а соответствовала роду его деятельности, образу жизни, стилю, характеру. К примеру, известно, что профессор Московского университета И.М. Снегирёв записывал фольклор в вицмундирном фраке. Якушкин же хотел приблизиться к мужику, пробить стену недоверия между интеллигенцией и народом. Сам он, полуплебей-полудворянин по происхождению, сын мелкого помещика, женившегося на крепостной, возможно, решил выступить связующим звеном, *мостиком* над пропастью, разделяющей высший и низший социальные слои русского общества. Таким образом, даже в необычной внешности собирателя проявились и своеобразие его личности, и особенности социальной позиции.

С.В. Максимов в очерке о Якушкине писал: «В городе, не терпевшем тогда никакого разнообразия и отступления даже в архитектуре зданий и придумавшем форменную одежду для дворников, появление поддёвки показалось явлением довольно резким. Столичный глаз привык понимать по платью только два вида людей: военных и статских». В формализованной донельзя России мужицкую одежду Якушкина (в которой он, например, позволял себе появляться в первом ряду кресел столичных театров) одни воспринимали как вызов, свободомыслие, другие – как своеобразный призыв к восстановлению самобытности личности. «Этот необычный для своего времени “губернский секретарь” не обратился, как подобало, сначала в титулярного, а затем и в более основательного советника», – замечал о Якушкине поэт Н.С. Курочкин. По его мнению, главная заслуга людей, подобных Якушкину,

в том, что они явились «первыми воскресителями личности среди формально-мертвенной и обезличенной до того России».

Однако наивная попытка через внешнее приблизиться к сути народной жизни осталась нереализованной. Несмотря на то что собиратель и «ходил мужиком» – «в красной рубахе и плисовых шароварах, но носил очки, из-за которых настоящие мужики ни за что не хотели его признавать “мужиком”, а думали, что он “кто-то ряженный”», – справедливо замечал Лесков. В романе Тургенева народ аттестует Базарова «чем-то вроде шута горохового». «Овцебыка» также не раз именуют «шутком», «чудаком», даже «отставным комедиантом». Складывается трагикомическая ситуация, в которой герой – «ни барин, ни крестьянин, да и ни на что никуда не годящийся». «Барин, но порченный... не совсем он в порядке в мыслях», – приводит народный отзыв о Якушкине Н.А. Лейкин.

Лесков передаёт рассказ самого Якушкина о том, как к тому «придрались» какие-то «фабричные ребята» и его «потолкали». «Сомнительно им показалось: мужик, а в очках ходит?! – Думали, не подосланы ли с каким намерением, – сказывал Якушкин».

Фольклорист стал героем и другого курьёзного происшествия: теперь уже «на чужбине над ним судьба строила иную забавную шутку». Однажды в Париже Лесков стал свидетелем того, как бойко распродавались фотографии «вихрастого» Якушкина, «под которыми по-французски было написано “*Pougatscheff*”». Пугачёв – и в очках?! Но Лесков безуспешно пытался разубедить палерояльских торговцев. «Под обозначением “Пугачёв” фотографии Якушкина, разумеется, шли бойчее».

«Подозрительная внешность» «мужика в очках» даже послужила поводом для его ареста полицией города Пскова в августе 1859 года, после чего Якушкин стал знаменитым на всю Россию «героем дня, и им все интересовались». У полиции не нашлось никаких доказательств «подрывной деятельности» собирателя, и он вскоре был отпущен на свободу. По отзыву Н.С. Курочкина, этому «обыденному происшествию» в тот период общественного подъёма, накануне ожидаемых перемен «горячая молодая публицистика» придала «размеры чуть не мирового значения». Псковский полицмейстер Гемпель даже вынужден был объясняться. Имя Якушкина стало в те годы почти легендарным. Н.С. Курочкин вспоминает, что даже «стали появляться различные Якушкины-самозванцы или Лже-Якушкины <...> имя Якушкина представляло собою как бы запугивающий талисман для полиции».

В действительности Якушкин никого не мог бы запугать или огорчить. Его незлобивость, по определению Лескова, – «доброту органическую» – некоторые склонны были относить на счёт «странного характера». «Он не только мог прощать всё, – решительно всё, – замечает о Якушкине писатель, – но он даже не мог не простить чего бы то ни было. Врагов у него не было, а понятия его об обидах были удивительные». Эту же черту Лесков сохраняет за героем повести «Овцебык»: «Меня ведь обидеть нельзя», – признаётся Василий Богословский.

Для писателя, создавшего цикл «Праведники», в этом не было ничего удивительного. Его герой живёт по евангельской заповеди «прощай обиды, не помни зла», и в этом «забулдыжка» Якушкин (как называл его «резкий, но меткий» А.Ф. Писемский) совпадает со святыми и праведниками земли русской.

Лесков представил совершенно новый и смелый взгляд на личность Якушкина. Беспечного балагура, в глазах многих – никуда не годного человека, поскольку «варварски беспощадно» обращался он и со своим здоровьем, и со своей репутацией, – оказывается, было можно и должно не только любить, но и уважать. И если поначалу читателю, возможно, и хотелось бы сохранить «дистанцию» по отношению к «безалаберному» герою, то постепенно взгляд проясняется. Писатель рассчитывает на нравственную чуткость своих читателей и всех, кому памятен Якушкин. Чтобы оценивать его, Лесков апеллирует не только к уму, но и к человеческому сердцу: «добрые и умные люди при всём этом Якушкина не только любили, но даже что-то такое в нём и уважали». Героя лесковского очерка теперь уже отличает от других не внешнее – костюм или бесшабашное поведение, а внутреннее, живущее в глубинах его «чистой, младенческой души»: «Уважали в Якушкине, я думаю, наверно, его святое, всепобеждающее незлобие, которому нельзя было указать ни границ, ни подходящего примера. Он в этом превосходил всё и всех». Неожиданно и недвусмысленно герой лесковского текста получает высокие знаки святости: «Если за это пленительное свойство души смертному может быть присуждена святость в другом мире, то покойный Павел Якушкин имеет на неё все права и даже с особенными преимуществами. Незлобие его поистине было – незлобие праведника».

В то же время Лесков рисует пример «смелого и самоотверженного великодушия», когда Якушкин спас девушку, бросившую букет цветов к месту гражданской казни Н.Г. Чернышевского. Этот эпизод подтверждается и воспоминаниями другого мемуариста – В.Н. Никитина. Великодушие, «евангельская беззаботность» о себе самом, «настоящее, прямое благородство» – черты, столь редкостные в эпоху капитализации России, – выделяет Лесков в своём очерке о Якушкине. «Не было в нём никакой деловитости, и мог он всякую какую угодно выгодную и серьёзную комбинацию обратить в самые сущие пустяки». И если, например, для П.Д. Боборыкина Якушкин – только беспечный «прожигатель жизни», то Лескову по-особому дорог герой, не поддавшийся влиянию денег, противостоящий закону личного эгоистического интереса: «По безалаберности своей и лености он часто живал совсем без денег и крупную денежную единицу начинал считать с полтинника». Писатель удивляется этой наивности и в то же время она его трогает, умиляет. Якушкина, сумевшего сохранить ясную душу и почти детское отношение к миру, автор часто называет ласково, как ребёнка, «Павлуша».

В основе многих эпизодов повести «Овцебык» лежат реальные случаи, почти дословно воспроизведённые затем в «Товарищеских воспоминаниях». Например, история с сапогами. Если у Овцебыка они «“совсем разевали рот”», то он шёл ко мне или к вам, без всякой церемонии брал ваши запасные сапоги, <...> а свои осмётки оставлял вам на память». В очерке Лесков пишет, как, увидев однажды на коврике, где ночевал его гость, «пару самых отчаянных, самых невозможных отпток с совершенно рыжими голенищами и буквально без подошв», он нашёл на столе «рукописание» Якушкина: «Был у тебя и взял твои немецкие сапоги, получи за них семь рублей от Некрасова». Чтобы оценить вполне «самую странную наивность» Якушкина, надо знать, что в ту пору Лесков не был лично знаком с Некрасовым; на страницах некрасовского журнала «Современник» писателя нередко ругали, и всё же, не без удивления замечает Лесков, его приятелю «казалось

естественным, чтобы я пошёл к Некрасову «“получить семь рублей”... И почему именно семь? <...> Это так и осталось, разумеется, его секретом». Поступки героя непредсказуемы, часто просто необъяснимы с точки зрения обыденного здравого смысла: «Понимать деяния Якушкина иногда бывало трудно, и от наивности его можно было ожидать соображений самых невероятных».

Якушкин в очерке и главный персонаж в повести «Овцебык», подобно многим другим любимым лесковским героям, выглядят внешне странными, чудаковатыми. Якушкин в изображении Лескова напоминает в чём-то «низкого героя» русской волшебной сказки. Он рисуется внешне неряшливым, некрасивым, от него, кажется, нечего ждать. Народ неоднократно называет Богословского «блажным». Семантика этого определения многомерна: и «блаженный», «святой», и «придурковатый». Глупость «низкого героя» в фольклоре – это только отсутствие обывательского здравого смысла, неумение устраиваться в земной жизни – то, что называется «святая простота». Но именно за неё герой и награждается в сказке. И в этом Высший Промысел, оправдание, недоступное практическому здравому смыслу.

Так, поиски Лесковым положительных типов пересекались с духовными исканиями народа, что нашло отражение в поэтике лесковских произведений, которые М. Горький образно называл «житиями святых дурачков русских».

Как известно, в народном творчестве главное содержание типа «простака» – его детскость. Черты «взрослого ребёнка», а также его «странная деликатность», «странная наивность» доминируют в образе Якушкина под пером Лескова. Писатель рассказывает, как, не имея своей квартиры в Петербурге, «Павлуша» часто заходил к нему ночевать и «сам укладывался спать всегда неизменно на одном “собачьем месте”, т. е. на подножном коврик у кровати», чем приводил хозяина в величайшее смущение. «Крайний неряха» Якушкин оправдывался тем, что не хотел огорчать горничную: чистюля-немка содержала квартиру в идеальном порядке. Причина и в другом. Якушкин привык переносить все тяготы и лишения скитальческой жизни и не хотел менять привычек. Также и по воспоминаниям С.И. Турбина, Павел Иванович расположился у него в передней на полу, «чтобы привычки не терять, не баловаться».

«Жил на свете Живулечка, как ему Господь повелел» – эти слова, которые Лесков избрал эпиграфом к «Товарищеским воспоминаниям о П.И. Якушкине», как нельзя лучше передают сокровенную суть личности героя, у которого доброта «безотчётно истекала из его натуры <...> Он мог только отдать нуждающемуся всё, что у него было, но у него у самого чаще всего ничего не было». То же читаем и о герое «Овцебыка»: «Ему отдавать было нечего, но он способен был снять с себя последнюю рубашку и предполагал такую же способность в каждом из людей, с которыми сходилась».

Многие современники Якушкина считали его наивность, простодушие чертами «патриархальными», связанными с прошлым: «Калика переходный он был подлинный, – писал С.В. Максимов, – со множеством ярких черт этого стародавнего русского типа»; «Всего менее можно было назвать его человеком скрытным, себе на уме. Он просто на просто сохранился таким простаком, которые попадают в глухих провинциях: очень доверчивый, очень ласковый, готов на бескорыстную услугу, побежит по первому призыву и даже деньги не считает заветными.

В Якушкине даже следовало удивляться тому, каким способом он сумел уберечь в себе это патриархальное, старомодное простодушие». Однако, хотя Лесков всегда пленялся милой «старой сказкой», с его точки зрения, всё это черты не столько прошлого, сколько будущего, заповеданного в евангельских идеалах совершенства человека.

Отрицая выдуманности и буржуазные приличия, Якушкин старался видеть в людях именно их человеческую суть, относиться к ним, как заповедано Христом, по-братски. «Этот совсем непрactical человек, – вспоминал Н.С. Курочкин, – не умевший за всю свою жизнь свить себе даже собственного гнезда <...> сумел самым блистательным образом разрешить трудную задачу отношений к другим людям. Обращаясь прямо по-братски ко всем, с кем он вступал в близкие отношения, он в ответ встречал то же братское радушие». С изумлением вспоминая, с какой быстротой росли знакомства только что прибывшего в Петербург Якушкина, С.В. Максимов называл его «успешным миссионером».

Это выражение представляется очень удачным. Действительно, в бездушно-казённой столице Якушкин выступил с миссией человечности и доброты. Он со всеми умел сохранять дружественные отношения и даже пытался выступить посредником между враждующими лагерями, примирить непримиримые стороны в накалённой социально-политической атмосфере конца пятидесятых – начала шестидесятых годов XIX века. В своём очерке Лесков пишет о «великом расколе», «литературной распре»: «из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, – образовались две партии: “постепеновцев” и “нетерпеливцев”. Якушкин как будто ничего не понимал в этом разладе и не прерывал своих отношений с товарищами из постепеновцев и нетерпеливцев. <...> Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надёжной».

Вспоминая все эти события двадцатилетней давности, Лесков всё ещё не мог освободиться от чувства горечи из-за несправедливых гонений и нападок на него в те годы. И, думается, неслучайно в конце повести «Овцебык» появляется запись: «Париж. 28 ноября 1862 года» – может быть, и не вполне точная, по замечанию сына писателя. Ни до, ни после этой повести у Лескова не было привычки с точностью датировать свои произведения. Но здесь, видимо, он придаёт датировке особое значение.

В начале 1860-х годов отлучённый от литературы радикальной критикой за статью о петербургских пожарах, Лесков (псевдоним: Стебницкий) стал мишенью для насмешек и издевательств. Например, сатирический журнал «Оса» подавал следующие «советы редакторам и литераторам»: «Г-ну Стебницкому. Оставить писание романов, наводящих уныние и сон, заняться изучением брандмейстерского искусства и писать статьи об одних пожарах». «Бойкий публицист обеих столиц на глазах превратился в “погорелого литератора”». Затравленный, «распятый заживо» Лесков вынужден был бежать за границу. Здесь ему хотелось объективно разобраться в событиях, пережитых на родине, – всё это и скрывается за указанием времени и места создания повести «Овцебык». И через двадцать с лишним лет – уже в «Товарищеских воспоминаниях о П.И. Якушкине» – прочитываются незабытые обиды Лескова: «я был порицаем много», «взял <...> книжку “Современника”, где я был на тот случай образцово обруган с обычными намёками и подозрениями».

Якушкин, который в то время тесно сотрудничал с «Современником», не разорвал прежние связи с друзьями из другого идейного лагеря и, наоборот, хотел соединить людей в их «общем направлении к добру». С Лесковым он сохранял самые благожелательные отношения и даже пытался оградить его от резких и несправедливых выпадов революционно-демократической критики. Интересна эта попытка заступничества за Лескова: «— Знаешь, я сейчас пойду к Некрасову и скажу, что это свинство. Он говорит о тебе хорошо, а позволяет писать совсем скверно. Я их за тебя сам обругаю.

Я, разумеется, просил его ничего в этом роде не предпринимать».

Определяя общую тональность лесковского очерка о Якушкине, американский учёный-славист Хью Маклейн – автор обширной монографии «Николай Лесков. Человек и его творчество» (Гарвард, 1977) – назвал этот тон «тёплым, хотя и покровительственным», с оттенком снисходительности. На первый взгляд основания для такой оценки есть. В воспоминаниях о Якушкине Лесков не раз называет своего простодушного приятеля «ребёнком, требовавшим няньки». Писатель не скрывает своего невысокого мнения об уме этого «взрослого ребёнка»: «Судил он всегда очень честно, но иногда не толково, а в поступках других людей часто был лишён способности различать между добром и злом и ни в каких мало-мальски сложных делах для совета вовсе не годился». Однако писателю дорого в Якушкине то, что «доброта у него преобладала над умом».

В финале воспоминаний появляются, на первый взгляд, неожиданно образы древних философов и мудрецов: «Сократ и Антисфен, с которыми ставить на одну ногу нашего “Божьего человечка” даже неловко». Но Лесков сразу же устраняет мнимую неловкость напоминанием об универсальной истине относительно судьбы «пророков в своем отечестве». Цель лесковских «Товарищеских воспоминаний о П.И. Якушкине» – вызвать доверие и расположение к своему «*праздношатающемуся*», «с странною наружностью» герою, который «многим не нравился» только потому, что старался сохранять в себе человека и искал того же в других. «Новый Диоген!» – так называют и Василия Богословского в повести «Овцебык»: «всё людей евангельских ищет».

Однако для казённо-обезличенного общества с его жёсткой регламентацией такой колоритный человек казался «непереносным»: «Пренебрегать приличиями и внешнею добропорядочностью в наш век не удобнее, чем в век Антисфена и Диогена». И если даже Сократ подвергался гонениям своих современников, «которые видели досадительные неудобства в сожительстве с таким человеком и решились его сбить с рук, и сбывли», то тем более «надо простить и извинить суровость, проявленную к Якушкину», – горько иронизирует Лесков.

С глубочайшей болью рассказывает писатель о ссылке своего приятеля: «Увезли Павла Ивановича из Петербурга в ссылку в Орёл, а потом в Астрахань без меня. <...> Эту олицетворенную простоту, этого ребёнка, требовавшего няньки, везли с жандармом»; «Как могло жить под надзором полиции это доброе, доверчивое и наивное дитя <...> – это трудно, да и мучительно себе представить». Выразительный социально-психологический контраст: «ребёнок» и «жандарм», «дитя» «под надзором полиции» – говорит не о нелепости «взрослого ребёнка», воплотившего в себе евангельское «Будьте как дети», но о неразумии и несовершенстве системы социальных отношений.

Хотя Лесков говорит, что «политика Якушкина занимала очень мало», нельзя обвинять писателя в сглаживании социальной остроты, как это делали ранее. Несмотря на свое милое простодушие, Якушкин в воспоминаниях Лескова не выглядит «Памвой безгневным» из лесковского рождественского рассказа «Запечатленный Ангел» (1873): «согнуби ему – он благословит, прибей его – он в землю поклонится». «Павел Иванович, – замечал Лесков, – хотя и был смирен и незлобив до крайности, но не боялся ни сумы, ни тюрьмы и <...> «не гнул головы ни перед кем». Мужик, по недоразумению, мог его потолкать, но на светлейшего Суворова <князь, при котором Якушкин был выслан из Петербурга. – А. Н.-С.> он, пожалуй, мог и сам вытаращиться и даже прикрикнуть». Социальные симпатии и антипатии Якушкина здесь вполне различимы.

«Чудакам» и «праведникам» необходимо было обладать редким мужеством, чтобы исполнять свой гражданский и нравственный долг. С.В. Максимов, близко знавший Якушкина, выделял именно это его качество – «высказывать правду в глаза, забывая о щекотливости самолюбий, не памятуя о том, что <...> возможно мщение по размеру силы и влияния лица, выслушавшего эту голую правду. Привычку эту <...> мы называли в шутку юродством, запоздавшим ровно на триста лет». По Лескову же, «юрودي-вые», «блаженные», «святые дурачки русские» и есть олицетворение Божеского начала в человеке, необходимого во все времена. Изображая в Павле Якушкине и Василии Богословском не абстрактное беззлобие, а прямоту, честность, обострённое нравственное чувство, нежелание ни при каких обстоятельствах не идти на сделку с совестью, Лесков выделил черты героической натуры.

У Богословского нет уверенности в правильности избранного пути: «О, когда б я знал, что с этим можно сделать!.. Я на ощупь иду». «На ощупь» шёл и Якушкин, впервые прокладывая пути в народ. «Путь был тёмный, – метафорически определял это направление С.В. Максимов, – приключений бездна, и жёрдочка тонка, и речка глубока, опасность на ней велика... Выход Якушкина, надо помнить, был новый – никто до него таких путей не прокладывал. Приёмам учиться было негде; никто ещё не дерзал на такие смелые шаги <...> – встречи глаз на глаз с народом. По духу того времени затею Якушкина можно было считать положительным безумием». Разумеется, это не «безумие», а величайший энтузиазм, безоглядная увлечённость идеей служения народу, для которой требовался настоящий подвиг самоотречения. Испытывая постоянные полицейские преследования (из десяти походов только один обошёлся без них), терпя бытовые лишения, собиратель фольклора сознательно обрёл себя на бродяжническую, странническую жизнь.

Лескову были хорошо известны «злострадания» Якушкина на его подвижническом поприще. Собираясь в служебную поездку по заданию Министерства народного просвещения, Лесков просил у министра А.В. Головнина «вид», гарантирующий путешественника «от подозрительности должностных лиц», способный защитить его «от неприятных случайностей, встреченных, например, г. Якушкиным и Рыбниковым <...>. При общей склонности видеть в каждом путешественнике, интересующемся народными делами, человека опасного, политическо-го агитатора, такая бумага делается необходимою даже для человека, далёкого от мысли об агитации».

Действительно, в правительственных кругах считали, что «Якушкин есть тайный агент “красных”, посланный волновать народ, а что

собрание глупых народных песней, которые поют пьяные, есть только предлог». Было издано распоряжение министра внутренних дел, согласно которому редакторы газет и журналов не имели права направлять в народ собирателей устного творчества, а сами фольклористы по прибытии на место обязаны были заявлять о себе полиции. Однако и в этих условиях Якушкин выискивал возможность продолжать свою работу. Энтузиаст-фольклорист понимал народное творчество очень широко: он не только записывал устные произведения, но изучал жизнь и быт народа, глубоко входил в его нужды. Якушкин резко осуждал поверхностных, как он говорил «галантерейных», исследователей народной жизни, в сущности, ничего о ней не знавших. Один из его современников, А.С. Гациский, вспоминал: «В остроумных насмешках Якушкина просвечивала, однако, серьёзная мысль о том, как много у нас исследуют народную жизнь, не выдавши вовсе её; о том, что принимаются за эти исследования джентльмены в белых перчатках, которые подходят к ней, воротя нос, и в конце концов далеки от неё по-прежнему, по-прежнему видят в ней то, что им хочется, а не то, что существует в действительности».

Этот взгляд полностью отвечает позиции Лескова, который, говоря в «Автобиографической заметке» о своей близости с народом, утверждал: «публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудируя её, а живучи ею». Устами героя «Овцебыка» писатель даёт собственную оценку (совпадающую с точкой зрения Якушкина) тех, кто «сочиняет» о народной жизни, сидя в уютных кабинетах. Это грешники – лжецы и лицемеры: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> Болты болтают а сами ничего не знают. <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтобы видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй». Сам герой, безусловно, готов отдать всего себя на служение ближнему.

«Новые люди» – герои романа Н.Г. Чернышевского «Что делать» – знали, «что делать» и куда идти. Судьбы героев Лескова обрываются тупиком, многозначительно поименованным словом-символом «некуда» уже в начале творчества писателя – в повести «Овцебык», а затем и в романе «Некуда» (1864), где трагическое слово-образ оказалось вынесенным в заглавие. Поиски своей дороги в ситуации, когда «некуда идти», естественно, были сопряжены и с заблуждениями, и с мучительными сомнениями, и с ошибками. «Моё, вижу, всё ни к чёрту не годится, – признаёт Василий Богословский. – Недаром вы каким-то звериным именем меня называли. Никто меня не признаёт своим, и я сам ни в ком своего не признал».

Горько и трагично положение непонятого, осмеянного «агитатора». Как и многие демократы-шестидесятники, Якушкин идеализировал народ, уповал на его «естественную мудрость». Однако сам Лесков все не был склонен возводить мужика на пьедестал. Полемически по отношению к позиции Якушкина освещается эпизод воспоминаний – случай «в философском или учительном роде». Так же, как Достоевский направлял обитателей гостиных поучиться жизни у «куфельного мужика» в очерке Лескова «О куфельном мужике и проч.» (1886), так «народолюбец» Якушкин призывал всех и каждого «учиться смыслу» у бывшего крепостного, орловского крестьянина Матвея Зайцева. «Мой бедный Матвей запил и удавился в Киеве, никому не разьяснив того

народного смысла, который в нём провидел своим оком П.И. Якушкин», – с горькой иронией заключает Лесков.

Некоторые черты отличают Василия Богословского от его прототипа. По замечанию Хью Маклейна, «жизнь обеспечила Лескова идеальным экземпляром» для его героя, однако какие-то изменения в образ необходимо было внести: «экземпляр» должен был быть более «типическим», менее «особенным», чем Якушкин – «полудворянин» по происхождению. Василий Богословский – сын сельского священника. Именно поэтому источники образа можно искать не только в лице Якушкина, но и Чернышевского, Добролюбова, Помяловского, Решетникова, Успенских. Кроме того, заслуживает внимания предположение американского учёного о том, что по своим религиозным устремлениям «Богословский скорее походит на отца Лескова, чем на Якушкина. Семён Лесков читал Евангелие и греческих и римских классиков, с презрением отклоняя современную литературу, включая популистские истории в радикальных журналах».

В «Товарищеских воспоминаниях» ничего не сказано о религиозности Якушкина. По-видимому, единственным божеством, которому он поклонялся, как и многие демократы тех лет, был народ. В его сочинениях упоминания о Боге встречаются в основном как форма народной этикетности: «Я сошёл с большой дороги и подошёл к одному пахарю: – Помогай Бог!»

Герой Лескова Василий Богословский, подобно отцу самого писателя, окончил духовную семинарию. Хотя он и отказался от поприща священника, но не сделался атеистом и нигилистом. Знаменательно, что в конце жизни Богословский сожалеет, что не стал священнослужителем, к авторитетному слову которого народ привык прислушиваться: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник». Герой в самом себе ощущает горение проповеднического дара. В своём служении он мог бы быть похожим на «неуёмного» протопopa Савелия Туберозова в романе-хронике Лескова «Соборяне» (1872). Богословский постоянно размышляет о Боге, о тайнах бытия, толкует Писание, хочет найти разрешения «вечных вопросов»: «чем Сезам отпереть». Разгадку он ищет повсюду: и в сочинениях Платона, и в православном монастыре, и у раскольников. Но последние, с их формализмом и «буквоедством», «только морочат головы своим секретничаньем», хотя тоже не знают заветного слова «Сезам, отворись».

Тем более не приближает к разгадке смысла бытия любовь земная. Женщин Овцебык сторонится. Иногда его заявления походят на женоненавистничество: «что мне до бабы, что мне до любви! Что мне до всех баб на свете!» Итальянский славист Пьеро Каццола считает героя «пуританином, который никогда не любил женщин». Но всё же Богословскому не чужды нежные чувства, сердечные влечения. Этот «пуританин» не забывает, что в раскольничьей среде у него осталась «будто жена» и незадолго до гибели просит переслать ей деньги «на случай, если дитя родилось». Полна сокровенного психологического смысла и следующая художественная деталь: «платок с красной меткою», обнаруженный в сундучке героя после его смерти. Красавица Настасья Петровна, жена хозяина, когда-то перевязала Овцебыку раненую руку, и оказалось, что он бережно хранил этот окровавленный носовой платок как знак сочувственного внимания небезразличной ему женщины.

Нельзя согласиться с Хью Маклейном, который видит причину трагедии Овцебыка в его непрактичности и нереалистичности. Главному герою повести исследователь противопоставляет со знаком «плюс» коммерсанта Александра Ивановича Свиридова, вышедшего из народной среды, который якобы «знает, куда идти. <...> Богословский же может иметь характерный знак святости, но он бесполезен в реальном мире». Такая трактовка по-американски не может быть признана справедливой для характеристики лесковских героев-праведников, наделённых национально русским самосознанием. Как и героям Достоевского, которым «не надобно миллионов, главное – мысль разрешить», Богословскому важно разрешить вечный вопрос о смысле бытия, на который, конечно, никогда не ответят «мужи кармана» типа «Александр Ивановичей», устремлённых только «к земной пище» и даже не помышляющих о высшем назначении человека. Убедившись в том, что «некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не переключишь», Василий Богословский кончает жизнь самоубийством.

Тупик этого «некуда» может быть истолкован с духовно-аналитических позиций, и именно этот подход многое проясняет в пресловутой непредсказуемости русской натуры. В Овцебыке-Богословском жертвенность как национальная черта раздваивается: «жертвенность “за идею”, становящуюся кумиром, и служение Истине Христовой неизбежно приходят в противоречие <...> “разлом” между упорно тлеющей в нём верой и идеями приводит к трагедии. Разверзается пропасть между духовным служением и насущным “прислуживанием”»¹. Это противоречие наглядно сказалось уже в поэтике двойного имени главного действующего лица повести: «Богословский» – служитель слова Божьего; «Овцебык» – зоологическая семантика этого прозвища снижает высокий ореол истинного духовного призвания героя.

Рассказчику в повести «нестерпимо жаль» его «страдающего приятеля». Однако Овцебык для него – «чудак», «рыцарь печального образа», Дон Кихот, самоотверженный, но вступивший на безумный путь. Выход из тупика и подстерегающей героя трагедии был намечен в лирическом отступлении автора – одном из самых поэтических фрагментов художественного мира, созданного Лесковым, – в описании впечатлений от его собственных первых опытов православного благочестия, по-детски чистой, не замутнённой разъедающим скепсисом веры, общения с монастырским людом, который *знает*, что разгадки смысла человеческой жизни не существует вне Бога.

Композиция образов Василия Богословского в «Овцебыке» и Якушкина в «Товарищеских воспоминаниях» во многом сходна. Вначале перед читателем живописный и немного нелепый, даже в чем-то абсурдный, озадачивающий феномен. Далее – волнующая ситуация открытия повествователем и читателем человека в «странном звере», праведника в «чудаке» и «шуте». В структуру образа включается также элемент «чудесного», как его понимал и любил изображать Лесков. Читатель становится свидетелем формирования народной легенды о герое. Обрастающая курьёзами и слухами, образ приобретает черты легендарности, и это также роднит его с праведниками, например, с героем-праведником в лесковской повести «Несмертельный Голован» (1880).

¹ Троицкий В.Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования) // Традиции. Культура. Образование: Научный сборник. – М., 1996.

Писателю очень нравится определение, данное покойному Якушкину С.В. Максимовым. Лесков с ним полностью солидарен и выделяет эту точно найденную, справедливую и трогательную характеристику курсивом: *«божий человечек»*. Авторская теплота, любование прочитываются в эмоционально-экспрессивной окрашенности фольклорно-стилизованной лексики: случись бы за народ постоять, «божьего человечка» бы «впереди всех поставили, – чистым полотенечком его занавесили бы, а на грудь в белы ручки образок дали бы. И он бы так стоял с образком, как святой. А если бы стрелять в них стали, то он так бы первый и копырнулся, обливаясь кровью от первого же выстрела».

«Овечья наружность» Овцебыка, который, если продолжить зоологическую метафору, хотя рожки и выставляет, но никогда никого не забодает (они у него загнуты кольцами вниз), а также кротость и незлобие Якушкина создают в подтексте чистые образы агнцев жертвенного заклания. О судьбах этих героев – «добровольных мучеников» – можно было бы сказать словами Лескова в память о его друге – писателе и историке Церкви Ф.А. Терновском: «Бедный, бедный и милый Филипп! Кротчайший бе паче всех человек и сколько печалей и обид он встретил!.. <...> Кроткий Филипп сослужил свою службу “овна Авраамова” и для тех, которые, не видя его, считали его “нечёсаным зверем” и, ища, кого заклать “в жертву Богу”, заклали его...»

Образы Павла Якушкина в «Товарищеских воспоминаниях» и Василия Богословского в повести «Овцебык» пополняют созданный в художественном мире Лескова «для Руси иконостас её святых и праведников»¹. С их помощью воплощает писатель свой грандиозный замысел «оправдать Русь» – задачу, поставленную «не от ума, а от сердца». И если Василий Богословский – один из первых образов праведников в литературной галерее Лескова, то Павел Иванович Якушкин, с «натуры» которого во многом «списан» Овцебык, – один из последних. Так тема праведничества соединила «начала» и «концы» в общем духовном и художественном целом всего лесковского творчества.